

и глубокой представляется глава о Боэции в книге Брюйне²⁰ по истории средневековой эстетики.

В русской и советской литературе этот вопрос не получил достаточного освещения. Общая оценка учения Боэция содержится во вводной статье В. П. Шестакова к изданию памятников музыкальной эстетики европейского средневековья и Возрождения²¹, а также в трудах по истории музыки Р. И. Грубера²² и Т. Н. Ливановой²³.

Эстетическое наследие Боэция изучалось в основном с музыковедческой точки зрения, что предопределило некоторую односторонность в его освещении. Существующие исследования далеко не исчерпали всех вопросов, связанных с музыкально-эстетической концепцией Боэция, важной не только для истории музыки, но и для раскрытия общей картины средневековой образованности и культуры.

Эстетическая проблематика затрагивается Боэцием в «Наставлениях к арифметике», «Наставлениях к музыке», «Комментариях к «Топике» Аристотеля» и трактате-поэме «Об утешении философией». Изложение эстетической концепции дается в сложном переплетении с логическими, математическими и общепhilософскими построениями.

В эстетике Боэция можно условно выделить три основных раздела: 1) учение о числе как эстетическом первопринципе и его модификациях; 2) музыкальную эстетику, в которой основное внимание уделено рассмотрению гармонии, определению музыки и ее задач (более широко — искусства вообще), психологическому и моральному воздействию музыки на человека; 3) раскрытие понятия эстетического предмета, завершающееся созданием своеобразной иерархии красоты.

Отправной точкой эстетики Боэция оказывается его положение о том, что мир создан богом в соответствии с образом, пребывающим в божественном разуме²⁴. «Происхождение всего сущего и то, каким образом все движется, причины, порядок, формы берут начало из неподвижности божественного разума... Заключенный в круг своей простоты, он (бог. — В. У.) располагает образом многообразия всего сущего»²⁵. Модель мира, пребывающая в божественном разуме, отождествляется Боэцием с числом²⁶. Посредством воплощения этого числа-образа оказывается возможным определенное отчуждение бытия из сферы божественного разума и развертывание его во времени с тем, чтобы оно снова возвратилось к своему первоначалу — в круг простоты разума бога²⁷. Таким образом, бытие и структура всего сущего рассматриваются философом как рациональные и математические.

²⁰ E. Bruyne de. Etudes d'esthetique medievales, t. I. Brugge, 1946, s. 1

²¹ «Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения» М., 1966.

²² Р. И. Грубер. Всеобщая история музыки, ч. I. М., 1960.

²³ Т. Н. Ливанова. История западноевропейской музыки до 1789 г. М — Л., 1940.

²⁴ Boetii. Philosophiae consolatio. Rec Peiper. Lipsiae, 1879. L. III, m. 9 (далее — «Consolatio»).

²⁵ Ibid.. L. IV, pr. 6.

²⁶ Boetii. De institutiones arithmetica. Ed. Friedlein. Leipzig, 1867. L. I, c. I. (далее — «De inst. arithmetica»). «Нос (numerus. — В. У.) enim fuit principalem in animo conditoris exemplar».

²⁷ «Consolatio», L. IV, pr. 6.